

УДК 82.0+821.111.0

DOI 10.52928/2070-1608-2026-78-2-39-41

**ЭСТЕТИКА СОТВОРЧЕСТВА: ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ
В СБОРНИКЕ ЭССЕ В. ВУЛФ «ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ»****Т.М. КУЗМЕНКОВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

В статье исследуется концепция творчества в критических эссе Вирджинии Вулф в контексте эстетики модернизма. При анализе были рассмотрены ключевые работы из сборника В. Вулф «Обычный читатель». Сравнительно-сопоставительное изучение идей У. Пейтера, А. Бергсона и В. Вулф позволяет говорить о концептуальном переосмыслении роли и функций творческой личности. В результате обосновывается вывод о создании В. Вулф целостной философии творчества, основанной на «соавторстве» писателя и читателя.

Ключевые слова: Вирджиния Вулф, эстетика модернизма, читатель-соавтор, творческий акт, сознание, Уолтер Пейтер.

Введение. Вирджиния Вулф (*Adeline Virginia Woolf*, 1882–1941) – английская писательница, литературный критик и одна из ведущих фигур модернистской литературы первой половины XX в. В. Вулф родилась в семье литературного критика, издателя и ученого Лесли Стивена (*Leslie Stephen*, 1832–1904), автора серии работ по истории английской литературы, а также первого редактора «Словаря национальной биографии» (*Dictionary of National Biography*, 1882). Мать В. Вулф – Джулия Стивен (*Julia Prinsep Stephen*, 1846–1895) – посещала литературные салоны, где познакомилась с художниками-прерафаэлитами [2, с. 206]. Вирджиния выросла в кругу бесед об искусстве и философии, что в дальнейшем повлияло на тематику её прозы и эссеистики. В. Вулф стояла у истоков формирования модернистского романа и литературной эстетики. В своих романах она экспериментирует с формой и содержанием литературно-художественного произведения.

Английский модернистский роман сложился в первой трети XX в., достигнув своего расцвета в 1920-е гг. Несмотря на название, подразумевавшее разработку актуальных способов художественного выражения в противовес романам викторианской эпохи, модернистский роман не стал тотально отрицать традицию романного жанра предыдущего столетия [2, с. 162]. Главной задачей модернистов стало переосмысление традиционной картины мира, которая сложилась в литературе предыдущей эпохи. В романах XIX в. (например, «Дэвид Копперфилд» Чарльза Диккенса, «Ярмарка тщеславия» Уильяма Теккерея, «Эмма» Джейн Остин) художественная реальность похожа на действительность, где сознание человека измеряется мыслями, которые выстраиваются в логическую цепочку, где доминируют причинно-следственные взаимоотношения. Писатели XX в. (такие как Вирджиния Вулф, Джеймс Джойс, Марсель Пруст) пришли к выводу, что человеческое сознание устроено куда сложнее, чем представлялось ранее.

На рубеже веков ключевыми понятиями философии стали «время» и «сознание», которые перестали восприниматься линейно. Исходя из наблюдений Анри Бергсона (*Henri-Louis Bergson*, 1859–1941), «время» превратилось в поток, в субъективное переживание, где прошлое, настоящее и будущее переплетаются. «Сознание» же предстало не как набор логически выстроенных мыслей, а как непрерывное, часто хаотичное, движение [3]. Главной целью модернистов стал поиск подлинной реальности и подлинного человека новой эпохи. В ходе данного поиска модернисты пересмотрели свое отношение к интеллектуальному и чувственному началу. Интеллект, по их мнению, выступал лишь как инструмент для создания сложных языковых конструкций, а эмоции зачастую могут быть ложными или навязанными культурными штампами [4]. Подлинное «Я» человека скрывалось глубже – в потоке дорефлективного опыта, который и стремились запечатлеть авторы. Одним из таких писателей была В. Вулф.

Основная часть. В. Вулф опубликовала ряд критических эссе, в которых она формулирует идеи, определявшие ее отношение к искусству и фигуре творца. В сборнике эссе «Обычный читатель» (*The Common Reader*, 1925), рассмотрено, как модернистское по своей сущности видение реальности меняет роль искусства и миссию творца. В эссе «Обычный читатель», которое задаёт тон всему сборнику, В. Вулф цитирует и развивает мысль С. Джонсона о ценности обыкновенного читателя – того, кто обращается к книге не как литературный критик или ученый, а вовлечен в процесс чтения для собственного удовольствия. Для В. Вулф искусство и литература – это не только область научных изысканий, но и пространство для личного, эмоционального и интуитивного взаимодействия творца и читателя. Она относится к искусству слова не как к объекту холодного анализа, а как к явлению, которое должно проживаться и чувствоваться: «Главное же, в отличие от критика и ученого, читатель вечно стремится по наитию, неведомо из какого сора, сам для себя создать нечто целостное: то соберёт из обрывочных впечатлений портрет, то набросает черты эпохи, то выведет целую теорию писательского мастерства»¹ [5, с. 201].

¹ «Above all, he is guided by an instinct to create for himself, out of whatever odds and ends he can come by, some kind of whole-portrait of a man, a sketch of an age, a theory of the art of writing. He never ceases, as he reads, to run up some rickety and ramshackle fabric which shall give him the temporary satisfaction of looking sufficiently like the real object to allow of affection, laughter, and argument» [6, p. 12].

В. Вулф описывает чтение как процесс «ткущегося полотна» – неидеального занятия, при котором читатель сам становится соавтором. Это отражает её взгляд на искусство, как на диалог между творцом и человеком воспринимающим, где ценность имеет не только замысел автора, но и личный опыт читателя. Исходя из сказанного выше, можно прийти к выводу, что творческий акт, в понимании В. Вулф, завершается не в момент сознания прозаического или поэтического текста, а в момент восприятия произведения искусства. Данная идея роднит наблюдения В. Вулф с идеями О. Уайльда и У. Пейтера, который в книге «Ренессанс: очерки искусства и поэзии» (*Studies in the History of the Renaissance*, 1873) писал: «искусство приходит к нам с простодушным намерением наполнить совершенством мгновения нашей жизни и простор ради самих этих мгновений»² [7, с. 28]. У. Пейтер утверждал, что искусство должно стремиться не к морализаторству, утилитарной пользе или точному копированию действительности, а к созданию чистого и искреннего переживания. Ценность художественного произведения, с этой точки зрения, измеряется не его общественной пользой, а интенсивностью и уникальностью эстетического чувства. Любая попытка подчинить творчество внешней, прагматической цели рассматривается как предательство самой сути искусства. Писатели-модернисты взяли за основу ключевые идеи У. Пейтера и его последователей и трансформировали их в своих работах. Они приняли тезис о самоценности эстетического переживания. Для них высшей ценностью стало не просто «красивое» или «возвышенное» мгновение, а само человеческое сознание и время, которое и должно уловить суть искусства.

Данные идеи отражены в эссе В. Вулф «Современная художественная проза» (*Modern Fiction*, 1919). Автор резко критикует современных ей писателей-«материалистов», которые сосредоточены на внешних, бытовых деталях в ущерб внутреннему миру человека: «они пишут о предметах неважных, что они расходуют свое незаурядное мастерство и прилежание, пытаясь сделать тривиальное и преходящее истинным и вечным»³ [5, с. 210]. Для В. Вулф главная задача литературы – передать подлинную, внутреннюю жизнь сознания, которая не укладывается в традиционные сюжетные схемы. Истинное искусство должно стремиться уловить этот «мерцающий внутренний огонь», поток впечатлений и мыслей. Именно поэтому, В. Вулф считает, что писатель должен быть свободен в выборе формы и содержания произведения, руководствуясь своим видением, а не требованиями рынка или критики: «Если бы писатель был свободным человеком, а не рабом, если бы он мог описывать все то, что выбирает, а не то, что должен, если бы он мог опереться в своей работе на чувство, а не условность»⁴ [5, с. 211]. В. Вулф отмечает новаторство и эксперименты своих современников, которые осмыслиют работу сознания: «они стараются приблизиться к жизни и сохранить более искренне и точно то, что интересует и движет ими; чтобы делать это они должны отказаться от большинства условностей»⁵ [5, с. 212]. Современная литература, по мнению модернистов, должна отказаться от готовых форм в пользу эксперимента, где разнообразие художественных методов оправдано, если оно раскрывает суть человеческого сознания.

В эссе «Как читать книгу?» (*How should one Read a Book?*, 1925) В. Вулф пишет: «В любом другом месте правило для нас – закон, здесь же, среди книг, не существует ни правил, ни законов»⁶ [5, с. 89], тем самым продолжая развивать мысль о том, что литература – территория абсолютной интеллектуальной и эмоциональной свободы. Её цель – не подчинять читателя, а дать свободу в интерпретации и восприятии текста. На протяжении всего эссе В. Вулф развивает ключевую мысль: «для читателя подавить свое «Я» – значит обеднить самое себя»⁷ [5, с. 100], таким образом, процесс чтения предстает как акт сотворчества. Модернистская литература не просто постигает сущность человеческого сознания, но и становится катализатором в развитии воображения, интуиции и суждения самого читателя. Опираясь на идеи о роли читателя, мы можем определить писателя-творца: «Книги – те же преступники, ведь мы убиваем на них столько времени и душевных сил!»⁸ [5, с. 98]. Писатель – это фигура, которая обладает властью над читателем, «похищая» его внимание. Он способен затронуть все уровни восприятия читателя в силу того, что его основной задачей становится создание произведения.

Образ писателя наиболее полно отражен в двух эссе В. Вулф, которые посвящены творчеству Джейн Остен (*Jane Austen*, 1775 – 1817) и Джордж Элиот (*George Eliot*, 1819 – 1880). «Джейн Остен не занимается перевоспитанием, она никому не мстит на странице – она просто молча всматривается в лица, и от этого делается по-настоящему страшно»⁹ [5, с. 111]. На наш взгляд, в данной цитате обыгрывается идея У. Пейтера о том, что искусство не обязательно несёт дидактическую нагрузку. В. Вулф показывает, что власть писателя заключается в том,

² «For art comes to us with the simple-minded intention of filling the moments of our lives with perfection, and the space for the sake of those moments themselves» [8, p. 31].

³ «...they spend immense skill and immense industry making the trivial and the transitory appear the true and the enduring» [6, p. 207].

⁴ «...he writer seems constrained, not by his own free will but by some powerful and unscrupulous tyrant who has him in thrall to provide a plot, to provide comedy, tragedy, love, interest, and an air of probability embalming the whole so impeccable that if all his figures were to come to life they would find themselves dressed down to the last button of their coats in the fashion of the hour» [6, p. 208].

⁵ «They attempt to come closer to life, and to preserve more sincerely and exactly what interests and moves them, even if to do so they must discard most of the conventions which are commonly observed by the novelist» [6, p. 294].

⁶ «The only advice... is to take no advice, to follow your own instincts...» [6, p. 293].

⁷ For a reader to suppress their own 'I' is to impoverish themselves [6, p. 296].

⁸ «And what is the point of having all these books if we are not going to read them? Or of reading them if we have no time to digest them? Yet it is perhaps our duty to read them; or is it our pleasure?» [6, p. 298].

⁹ «She is simply looking on. And her look, because it is so just, so piercing, and so devoid of illusion, is terrifying» [6, p. 191].

чтобы видеть и показывать жизнь. Жизнь в понимании эстетов XIX в. являлась чем-то недостойным и серым по сравнению с искусством, однако модернисты трансформируют эту идею и утверждают, что весь жизненный опыт и переживания являются сутью познания человеческого сознания: «Такой богатой душе, как у нее [Джордж Элиот. – Т.К.], все идет впрок: каждое новое впечатление она пропускает через себя, и оно откладывается, образуя слой за слоем опыт ума и сердца, питающий и поддерживающий ее»¹⁰ [5, с. 129]. Таким образом писатель впитывает и синтезирует опыт, который затем превращается в материал для искусства. Как упоминалось выше, для В. Вулф был важен эксперимент с формой и смыслом, поэтому для нее писатель всегда должен находиться в движении и поиске, только тогда возможно развитие литературы: «Поэтому Джейн Остен пришлось бы искать новую манеру письма: столь же ясную и взвешенную, как прежде, только намного глубже и многозначнее... Она стала бы предшественницей Генри Джеймса и Пруста»¹¹ [5, с. 116].

Заключение. Таким образом, отталкиваясь от идей эстетов XIX в. – таких как У. Пейтер и О. Уайльд – с их культом «искусства ради искусства» и самоценности формы, В. Вулф трансформирует данную концепцию и постепенно приходит к исследованию человеческого сознания во всей его уникальности. Однако, В. Вулф не просто изучает психику: сама суть новой художественной реальности – воплощение специфики её работы. Средством отражения новой реальности становится поиск абсолютно новых форм и методов, способных передать внутреннюю сущность человеческого сознания. В результате В. Вулф переосмысливает значение творческого акта, где искусство обретает силу не только в момент написания текста, но и во время его живого, свободного и личного восприятия. Тем самым В. Вулф предлагает концепцию о том, что литература – это совместный поиск творца и воспринимающего, где процесс создания искусства завершается лишь в сознании того, кто прочел произведение искусства. Именно в «соавторстве» писателя-творца и его читателя раскрывается реальное содержание художественного произведения, где писатель – не единственная инстанция, диктующая непреложную истину, а читатель – не пассивный потребитель литературной продукции, а соавтор, активный создатель смыслов. По мнению В. Вулф, завершенность акту литературного творчества придает не автор, а тот внутренний отклик читателя на созданную художественную реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубова Л.В., Михальская Н.П., Трыков В.П. Модернизм в зарубежной литературе: учеб. пособие. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 240 с.
2. Зарубежная литература XX века: в 2 т. – Т. 1: Первая половина XX века: учеб. для академ. бакалавриата / В.М. Толмачев и др.; под ред. В.М. Толмачева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 430 с.
3. Henri Bergson // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/bergson/> (дата обращения: 30.12.2025).
4. The Modernist revolution // Encyclopædia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/art/English-literature/The-Modernist-revolution> (дата обращения: 09.02.2024).
5. Вулф В. Как читать книги?: эссе / пер. с англ. Н. Рейнгольд. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2025. – 320 с.
6. Woolf V. The Common Reader: First Series. – London: The Hogarth Press, 1925. – 300 p.
7. Пейтер У. Ренессанс: Очерки искусства и поэзии / [пер. с англ. С.Г. Замышевский]. – М.: Проблемы эстетики, 1873. – 103 с.
8. Pater W. The Renaissance; studies in art and poetry. – London: University of California Libraries, 1914. – 272 p.

Поступила 09.12.2025

THE AESTHETICS OF CO-CREATION: THE WRITER AND THE READER IN V. WOOLF'S ESSAY COLLECTION «THE COMMON READER»

T. KUZMENKOVA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the concept of creativity in Virginia Woolf's critical essays within the context of modernist aesthetics. The analysis focuses on the key works from V. Woolf's collection The Common Reader. A comparative study of the ideas of W. Pater, H. Bergson, and V. Woolf reveals a conceptual rethinking of the role and functions of the creative individual. The research substantiates the conclusion that V. Woolf developed an integral philosophy of creativity based on the 'co-authorship' of the writer and the reader.

Keywords: Virginia Woolf, Modernist aesthetics, reader-as-co-author, creative act, consciousness, Walter Pater.

¹⁰ «But into her poetry (and much of Middlemarch is poetry) she could not put what she knew. She could not escape from the burden of her intellectuality. Her genius forced her to write of the things she had experienced, not of the things she had imagined. And the experience of so rich a nature was not to be confined to the purlieu of a country parsonage» [6, p. 231].

¹¹ «She would have been the forerunner of Henry James and of Proust. But she would have done it more simply than they. She would have been the forerunner of Henry James and of Proust, but she would have remained as clear, as natural, as humorous as she is» [6, p. 194].